

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ НАКАЗАНИЯ

Из ст. 160 Конституции СССР следует, что наказание, назначенное по приговору суда и в соответствии с законом, должно быть надлежащим образом исполнено. Конкретизируя это требование, ст. 54 Основ уголовного судопроизводства (ст. 403 УПК УССР, ст. 358 УПК РСФСР) устанавливает, что вступивший в законную силу приговор суда (а значит, и наказание, назначенное этим приговором) обязателен для всех государственных и общественных учреждений, предприятий и организаций, должностных лиц и граждан и подлежит исполнению на всей территории СССР. Таким образом, приговор суда, вынесенный именем государства, приобретает особое качество, заключающееся в том, что его выводы и предписания получают общеобязательный характер, становятся законом для данного конкретного случая и порождают обязанность прежде всего самого осужденного отбыть назначенное ему наказание. Невыполнение этой обязанности, уклонение осужденного от наказания наносит существенный вред делу борьбы с преступностью, осуществлению общей и специальной превенции, препятствует отправлению правосудия и является по существу нарушением закона, которое должно влечь ответственность.

Поскольку эффективность и предупредительное значение наказания достигаются, как известно, не только и даже не столько его назначением, сколько исполнением последнего, иначе говоря, находятся в прямой зависимости от того, как оно исполняется, большое значение приобретают и средства, с помощью которых можно предупредить уклонение от наказания и вести борьбу с подобными деяниями. В качестве одного из средств (гарантий) исполнения наказания служит установление в уголовном законе особой группы санкций за уклонение осужденного от отбывания наказания.

С точки зрения охраны их исполнения уголовно-правовыми санкциями все виды наказаний могут быть разделены на три группы. К первой относятся наказания, уклонение от которых закон рассматривает как самостоятельное преступление в Особенной части УК. Это лишение свободы, ссылка, высылка. С определенной долей условности сюда же можно отнести направление в дисциплинарный батальон и конфискацию имущества. Во вторую группу входят наказания, ответственность за уклонение от которых регулируется нормами Общей части УК. Это исправительные работы, штраф, обязанность загладить причиненный вред. Наконец, третья группа включает в себя наказания, исполнение которых вообще не охраняется уголовно-правовыми санкциями. Это лишение права занимать определенные

должности или заниматься определенной деятельностью¹, увольнение от должности, общественное порицание, лишение воинского или специального звания, лишение родительских прав.

Первая группа. Среди наказаний этой группы обращает на себя внимание своеобразная конструкция санкций в ряде УК за уклонение от ссылки и высылки. Во всех УК побег с места ссылки и самовольное возвращение высланного законодатель поместил в главу Особенной части УК о преступлениях против правосудия (ст. 184, 185 УК УССР, ст. 186, 187 УК РСФСР), придав им тем самым значение самостоятельного состава преступления. Специфика этих преступных деяний состоит в том, что они совершаются во время отбывания наказания (ссылки или высылки), ранее назначенного приговором. Следовательно, здесь всегда имеет место стечение нескольких приговоров — совокупность приговоров, что логически влечет необходимость применения специальных правил назначения наказания по нескольким приговорам, закрепленных в ст. 36 Основ (ст. 43 УК УССР, ст. 41 УК РСФСР). Однако анализ санкций, установленных за уклонение от ссылки и высылки в ряде УК союзных республик, свидетельствует, что правила назначения наказания по нескольким приговорам не могут быть здесь применены. Так, в УК Армянской, Латвийской, Узбекской и Украинской ССР за уклонение от ссылки и в УК РСФСР, Азербайджанской, Армянской, Белорусской, Латвийской, Литовской, Молдавской, Таджикской, Туркменской и Узбекской ССР за уклонение от высылки в санкциях соответствующих статей установлены особые правила замены ссылки лишением свободы и высылки ссылкой на неотбытый срок, что исключает возможность назначения наказания по нескольким приговорам.

В литературе справедливо отмечается, что такой порядок по существу означает поглощение неотбытого наказания и поэтому не согласуется с общими правилами назначения наказания по нескольким приговорам [см. 6, с. 124—125], поскольку правила назначения наказания по нескольким приговорам установлены в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 36), вследствие чего они носят всеобщий и обязательный характер. В связи с этим какое-либо отступление от этих правил в Особенной части УК, не оговоренное в Основах, не соответствует положениям общесоюзных законов. Кроме того, такое решение вопроса о наказуемости уклонения от ссылки и высылки ведет также к логическому противоречию между диспозицией и санкцией соответствующей статьи. С одной стороны, в диспозиции описывается деяние, отвечающее всем признакам самостоятельного состава преступления, что подтверждается и включением данной нормы в Особенную часть УК, с другой — конструкция санкции сводит фактически на нет предписание диспозиции, поскольку исключает возможность назначения на-

¹ В дальнейшем — лишение права занимать определенные должности.

казания по правилам ст. 36 Основ, установленным именно для случаев совершения преступления лицом, отбывающим наказание по предыдущему приговору.

Наконец, такая конструкция санкции предопределяет в какой-то степени и решение суда о мере наказания за побег с места ссылки или за самовольное возвращение высланного, что лишает санкцию самостоятельного характера, не согласуется с общими началами назначения наказания и принципами его индивидуализации. Для устранения создавшегося положения необходимо придать санкциям соответствующих статей УК самостоятельный характер, приведя их в соответствие с требованиями ст. 36 Основ.

Вопрос об ответственности за уклонение от отбывания наказания в дисциплинарном батальоне прямо не решен в уголовном законе. Не ставя перед собой задачу разрешения этой проблемы, отметим, что здесь возникает вопрос о соотношении воинского и общеуголовного преступлений, в частности о разграничении уклонения от несения воинской службы и преступления против правосудия.

Специалисты, исследующие данную проблему, указывают, что поскольку осужденный к направлению в дисциплинарный батальон остается военнослужащим, он за всякое уклонение в зависимости от целей и продолжительности самовольного оставления части должен нести ответственность по закону о воинских преступлениях [см. 1, с. 151]. Тем не менее, как замечает З. Ашитов, в некоторых случаях нельзя исключать вовсе и посягательство на интересы правосудия, когда виновный преследует эту цель — совершает побег из дисциплинарного батальона или из-под стражи во время конвоирования туда, чтобы не отбывать уголовное наказание [см. 2, с. 18].

Военнослужащий, отбывающий данное наказание, находится в сфере военно-служебных отношений. Однако эти отношения, складывающиеся среди осужденных, отбывающих наказание по приговору суда, не могут быть отождествлены с военно-служебными отношениями, существующими среди военнослужащих вообще. Помимо исполнения обязанностей по военной службе такие осужденные отбывают наказание и на них распространяются требования о соблюдении уголовного и исправительно-трудового законодательства. Поэтому не случайно осужденные к направлению в дисциплинарный батальон содержатся под охраной вооруженного конвоя. Следовательно, при совершении побега из дисциплинарного батальона с целью уклонения от несения воинской службы и отбывания уголовного наказания содеянное может быть оценено и как уклонение от несения воинской службы, и как посягательство на интересы правосудия, поскольку виновный совершает одновременно (идеальная совокупность) воинское и общеуголовное преступления.

Уклонение от наказания, предусмотренного ст. 35 УК УССР (ст. 35 УК РСФСР) практически невозможно, поскольку конфискация имущества состоит в принудительном изъятии в собственность государства имущества, являющегося личной собственностью осужденного и исполнение этого наказания не зависит от волеизъявления осужденного. Однако возможны случаи, когда имущество, подвергнутое аресту или описи и явившееся впоследствии предметом конфискации, было растрчено или сокрыто лицом, которому оно было вверено. Таким лицом может быть и виновный, в отношении которого суд избрал конфискацию имущества в качестве дополнительного наказания. Растрата или сокрытие имущества выступает здесь в качестве своеобразного вида уклонения от наказания, ответственность за которое установлена ст. 182 УК УССР (ст. 185 УК РСФСР).

Вторая группа. В нее входят наказания, ответственность за уклонение от которых установлена в Общей части УК в виде замены первоначально назначенного наказания более строгим в порядке исполнения приговора (ст. 410 УПК УССР, ст. 365 УПК РСФСР).

Многие авторы справедливо отмечают, что такой способ регулирования ответственности за уклонение от наказания нельзя признать удовлетворительным, во-первых, потому, что лицо может быть признано виновным и подвергнуто наказанию только по приговору суда (ст. 160 Конституции СССР, ст. 3 Основ уголовного законодательства) [см. 3, с. 104]. При этом предполагается, что речь идет о деянии, предусмотренном конкретной нормой Особенной, а не Общей части УК (ст. 7 Основ). Между тем составы уклонения от наказаний названных выше видов в Особенной части УК не фигурируют. Анализ ст. 30 УК УССР (ст. 28 УК РСФСР), например, свидетельствует, что в Общей части УК по существу сформулирован специальный деликт уклонения от отбывания наказания, наделенный всеми признаками самостоятельного состава преступления и снабженный своеобразной санкцией. Не случайно Пленуму Верховного Суда СССР в постановлении от 11 июля 1972 г. «О практике применения судами исправительных работ без лишения свободы» пришлось, практически восполняя закон, подробно описать признаки злостного уклонения от отбывания исправительных работ [см. 4, с. 17—18]. Этот деликт аналогичен по своей юридической природе преступлениям, предусмотренным ст. 183—185 УК УССР (ст. 186—188 УК РСФСР). Как по характеру и степени общественной опасности, так и по своей направленности уклонение от отбывания исправительных работ — это преступление против правосудия и место данной нормы в соответствующей главе Особенной части УК.

Однако в настоящее время, когда ответственность за уклонение от отбывания ряда наказаний регулируется нормами Общей части УК, практически получается, как справедливо отмечают

В. М. Галкин и М. И. Блум, что уголовно-правовые санкции устанавливаются законом не только за деяния, оцениваемые им как преступные, но и за иные неправомерные действия, а уголовно-правовой запрет не сводится к обязанности воздержания от преступлений. Отсюда, вопреки сложившемуся представлению, вытекает, что по действующему закону понятия преступления и уголовно-противоправного деяния не совпадают. Положение обстоит так, что уголовно-правовое воздействие предусматривается за деяния, не признаваемые законом преступлениями [см. 5, с. 16—17].

Во-вторых, установление в Общей части УК ответственности за уклонение от отдельных видов наказания приводит к включению в нее норм, ей не свойственных, что нарушает структуру (системность) и логическую стройность закона.

В-третьих, при критикуемом порядке привлечения к ответственности за уклонение от наказания ранее вынесенный и вступивший в законную силу приговор суда заменяется определением той же судебной инстанции, что противоречит процессуальной «субординации» судебных актов.

Целесообразно внести изменения в закон с тем, чтобы уклонение от наказания любого вида рассматривалось как самостоятельное преступление в Особой части УК, как это имеет место, например, в большинстве УК зарубежных социалистических государств (ст. 238 УК КНДР 1950 г.; §171 УК ЧССР 1961 г.; § 237, 238 УК ГДР 1968 г.; ст. 297—300 УК НРБ 1968 г.; ст. 256, 257, 259 УК ПНР 1969 г.).

Третья группа. Что касается данной группы, то наряду с наказаниями, уклонение от которых практически невозможно (например, общественное порицание, увольнение от должности), поскольку их исполнение полностью определяется деятельностью соответствующих государственных органов и не зависит от поведения осужденного, сюда входит и лишение права занимать определенные должности.

Как показывают исследования, данное наказание обладает значительным арсеналом карательно-воспитательных средств и превентивных возможностей [см. 9]. Однако для достижения поставленных перед ним целей крайне важно, чтобы не только само наказание обладало достаточными потенциальными возможностями, но и имелись правовые гарантии их реализации. Между тем практика свидетельствует, что исполнение лишения права занимать определенные должности в настоящее время страдает рядом существенных недостатков, которые объясняются прежде всего отсутствием норм, регулирующих порядок его исполнения. Министр юстиции СССР В. И. Теребилов в одном из своих выступлений прямо отмечал, что в настоящее время учет лиц, осужденных к данному виду наказания, не ведется и никто фактически не следит, где и кем эти лица работают, чем занимаются после вынесения приговора [см. 7, с. 6]. В связи с этим

в литературе неоднократно высказывались предложения по совершенствованию порядка исполнения этого вида наказания, в первую очередь, путем создания правовых (законодательных) гарантий его исполнения [см. 8]. Представляется, что одной из таких гарантий явилось бы и устаночление в законе ответственности за уклонение от отбывания лишения права занимать определенные должности. В настоящее время уклонение от подавляющего большинства срочных видов наказаний влечет, как было показано выше, уголовную ответственность. Более того, такая ответственность установлена даже за уклонение от мер административного принуждения (побег из лечебно-трудового профилактория, злостное уклонение от административного надзора). Между тем исполнение рассматриваемого вида наказания не охраняется уголовно-правовыми санкциями, хотя уклонение от его отбывания причиняет не менее значительный вред интересам социалистического правосудия, чем, скажем, побег из лечебно-трудового профилактория (ст. 186 УК РСФСР) или из специального учебно-трудового учреждения (ч. 3 ст. 167 УК Узбекской ССР) либо даже уклонение свидетеля от дачи показаний (ст. 179 УК УССР).

Довольно распространенными в связи с этим являются и случаи уклонения от отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности. Для примера достаточно сослаться на результаты проверки, проведенной в Калининградской области. Здесь было установлено, что из числа лиц, освобожденных из мест лишения свободы в 1961—1970 гг. и лишенных права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания за хищения, лишь 42% остались проживать в этой области. Поэтому данные об исполнении дополнительного наказания в отношении 58% лиц, выехавших в другие районы страны, вообще отсутствовали. Что же касается 42% обследованных, то почти половина из них на момент проверки уклонялись от отбывания наказания, поскольку занимали материально-ответственные должности, являлись счетными работниками, бухгалтерами, а в отдельных случаях даже находились на прежней работе, где ранее ими были совершены хищения [см. 10, с. 2].

Все это свидетельствует, что нет никаких оснований исключать лишение права занимать определенные должности из числа наказаний, уклонение от которых влечет уголовную ответственность для виновных. Установление такой ответственности явилось бы не только одной из эффективных гарантий его исполнения, но и представляется особенно актуальным в интересах профилактики хищений, хозяйственных, должностных, транспортных и ряда других преступлений. Предложение об установлении уголовной ответственности за злостное уклонение осужденного от отбывания этого наказания поддерживают и практические работники. В частности, при анкетном опросе судей в пользу такого предложения высказалось подавляющее большинство (88,3%). Норма об ответственности за уклонение от рассматриваемого вида наказания была известна советскому уголовному законодательству (см. ст. 197—1 УК УССР 1927 г. в редакции от 15 января 1928 г.). Такая

ответственность установлена и в ряде зарубежных социалистических государств (ст. 238 УК КНДР 1950 г.; § 238 УК ГДР 1968 г.; ст. 259 УК ПНР 1969 г.).

Приведенные соображения дают основания считать целесообразным дополнение главы УК о преступлениях против правосудия нормой об ответственности за злостное уклонение осужденного от отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Список литературы: 1. *Ахметшин Х. М., Васильев Н. В., Кудрявцев В. Н., Шанин В. И.* Воинские преступления. М., Изд-во Военно-Политической Академии, 1970. 285 с. 2. *Ашитов З.* Вопросы дальнейшего укрепления социалистической законности. (Соотношение воинских и общеуголовных преступлений). Алма-Ата, 1976. 184 с. 3. *Болдырев Е. В., Галкин В. М.* Уголовно-правовые санкции.— Тр. ВНИИСЗ. Проблемы совершенствования советского законодательства, 1976, № 6, с. 98—110. 4. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1972, № 4, с. 17—18. 5. *Галкин В. М., Блаум М. И.* Уголовно-правовой запрет.— Межведомственный сборник научных трудов Латвийского ун-та. Вопросы борьбы с преступностью на современном этапе. Рига, 1978, с. 3—19. 6. *Гореллик А. С.* Назначение наказания по совокупности. Красноярск, 1975. 272 с. 7. Задачи органов юстиции и судов в свете решений декабрьского (1973 г.) Пленума ЦК КПСС.— Соц. законность, 1974, № 6, с. 6—7. 8. *Ключко Г., Тютюгин В.* Виконання вироку щодо позбавлення права займати певні посади або займатися певною діяльністю.— Рад. право, 1975, № 6, с. 75—78. 9. *Махоткин В. П.* Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как вид наказания по советскому уголовному праву. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. М., 1971. 18 с. 10. Социалистической собственности — всемерную охрану.— Сов. юстиция, 1973, № 14, с. 2—3.

В. Я. Таций, канд. юрид. наук

ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОММЕРЧЕСКОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Коммерческое посредничество — одно из опасных хозяйственных преступлений, причиняющих серьезный вред принципам планового распределения материальных ресурсов и оплаты по труду в социалистическом обществе. Поэтому успешная борьба с ним имеет важное значение в деле укрепления и охраны социалистической системы хозяйства. Изучение судебной практики по делам об ответственности за коммерческое посредничество (ст. 151 УК УССР) свидетельствует о том, что при применении этого закона (статьи) возникают значительные трудности, которые нередко приводят к неправильной квалификации преступных деяний и другим нарушениям закона. Они вызваны главным образом тем, что до настоящего времени отсутствует четкое представление о самом понятии и признаках состава коммерческого посредничества, отграничении его от смежных преступлений и т. д.

Решение всех этих вопросов имеет важное значение для правильного применения ст. 151 УК УССР и, следовательно, успеш-